

Август. Ночь. Брайтон. Пляж. За спиной, где-то в другом мире, огни «бордвока». Здесь, в каких-нибудь нескольких десятках метров от него, слышен только шум прибоя. В полумраке видны гребни волн, где-то недалеко в океане темнота нарушает свет иллюминаторов проходящего мимо пассажирского судна. Над моей головой - яркие звезды... Я лежу на спине, и, поскольку одет, песок не кажется холодным. Рядом со мной расположилась симпатичная молодая женщина, к тому же еще умная, веселая и талантливая. В моей руке - диктофон, но мне почему-то не хочется задавать никаких вопросов. Я смотрю в небо. «Интересно, а где Большая Медведица? - спрашивает Алла и тут же говорит, - а, вижу, вижу». Мы порядком подустали, поскольку поучаствовали в телевизионной передаче, где героиней была художница Алла Сапожникова, представлявшая только что открывшуюся на Кони Айленд галерею русских художников Surf Art Exchange... Но как же все-таки здорово растянуться на песке, в двух шагах от океана, наплевав на условности и забыв о том, что существует время. Только пространство, только тишина, только звезды...

Алла приехала в Нью-Йорк из Парижа полтора года назад, куда, в свою очередь, попала из Москвы, и ее жизненные маршруты напоминают мне надпись на французских духах (не помню названия), в начале перестройки поразившую мое неокрепшее «совковое» воображение - «Москва-Париж-Нью-Йорк». Пахли эти духи замечательно, к стати сказать.

Самое интересное, что, на мой взгляд, Алла только в Нью-Йорке нашла свой единственный и неповторимый город, которого не могла найти ни в России, ни во Франции - Одессу. Да, да, именно так! Вообще художник без «своей», часто даже виртуальной, местности - «как цыган без лошади». Что живопись, что графика Сапожниковой - на всем странный отпечаток взрывчатой смеси, которая характерна для этого населенного пункта на Черном море - смеси еврейского происхождения, русской культуры и легкого французского прононса. Я, откровенно говоря, сильно подозреваю, что сегодня Одесса сократилась до узкой полоски вдоль океана в Западном полушарии, называемой Брайтон Бич. Но не мне судить. А тот факт, что Алла никогда не жила в Одессе, побывав там лишь проездом, говорит о том, что художнику не обязательно жить в каком-либо месте, чтобы проникнуться его духом. Поэтому так естественно смотрятся ее полотна в нашем тоже достаточно фантастическом городе Нью-Йорке - как недавние, так и те, что написаны несколько лет назад. Совсем непростые, они смотрятся мощно. Следствие техники Аллы Сапожниковой - вполне «мужской» и отточенной, да и тем ее - вполне не «женских».

Может быть, по этим двум причинам на вернисажах сама художница пытается стать еще более женственной, чем она есть в жизни, периодически надевая какие-то декадентские широкополые шляпы с кружевами, платья с кружавчиками и прочими дамскими атрибутами и финтилюшками - эдакая подсознательная попытка уравновесить серьезные внутренние и внешние противоречия. В моем представлении внешность Аллы, ее «имидж» и ее произведения не увязываются абсолютно - это несоответствие, без сомнения, влияет и на сами ее произведения, делая их, с одной стороны, слишком нервными, с другой, идущими часто не от жизни - от литературы, в результате чего философская глубина достигается за счет снижения эмоциональности, и - наоборот, эмоция исключают философию. Но уж такова Сапожникова. В целом все ее «вещи» свидетельствуют о сложной душевной жизни автора, полной глубоких переживаний и почти физического напряжения. Не зря же некоторые специалисты утверждают, что любое произведение - не более, чем отражение всего, что происходит в жизни творца, подслондо переработанное его вооб-

ражением.

Искусствоведы называют два, так сказать, основных творческих первоисточника Аллы Сапожниковой - Шагал в живописи и Бабель в литературе. Позволю себе с этим не согласиться. Ежели бы все было так просто, тогда бы серьезные коллекционеры не покупали ее шедевры, а они это делают, время от времени радуя тем самым нашу художницу и улучшая ее финансовое самочувствие.

НЬУ-ЙОРКСКИЕ ГАЛЕРЕЙЩИКИ

«А над Нью-Йорком

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

журавли не пролетают».

Вилли Токарев

-Алла, начнем не с начала. Кто такой Александр Герзон? Я знаю лишь, что он владеец открывшейся галереи.

-Он удивительный человек, страстный, и сам он называет себя «купцом». Внешне мне он напоминает какого-то греческого героя из мифологии. Такой очень крепкий, всегда страшно загорелый, коричнево-бронзовый, с бородой с проседью и достаточно живыми глазами. Это был первый человек, который купил у меня два холста из серии «Русские и советские праздники» - «Мадонна» и «Пионерское лето».

-Это Ваши парижские работы?

-Ну да. В этой галерее только «Париж» висит.

-А в Америке Вы что-то писали?

-Конечно, но в этой галерее еще не выставила. И, возвращаясь к Герзону. Он меня очень поддерживал, потому что у меня был какой-то странный период, когда мне казалось, что, может быть, вообще мое искусство здесь никому на фиг не нужно.

-Но у Вас же всегда здесь что-то покупали?

-Это было ровно год назад, в августе прошлого года,

когда у меня за полгода практически ничего не продалось и никаких контактов с людьми искусства не было совершенно, и мое портфолио показали через знакомых ему. Он пролистал и сказал: «Это совершенно не «мое». Я ничего этого не куплю. У меня - соцреализм. У меня - Ленин, Сталин, балерины, колхозницы, все, что угодно, женщины с коровой и с веслом, но такое мне не нужно. Это авангард, и, вообще, Париж, слеплен-

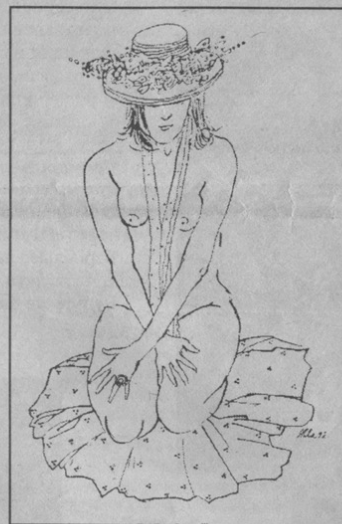
ный с Рашей - не хочу». Он сказал это категорически. Через две недели он позвонил и сказал: «Алла, едем в Манхэттен (потому что у меня там хранилась серия картин, у реставраторов). Я хочу купить один холст для своей дочери. Никакого орголита, графики, только холст». Причем, он настолько энергичен и агрессивен, что иногда я его просто боюсь. Я становлюсь такой маленькой, просто клопом каким-то. Ну, нормальный энергичный мужчина. Он поехал со мной. Единственные два холста, которые мы смогли достать до шкафа, он посмотрел и сказал: «Вот эти два я беру.

АЛЛА САПОЖНИКОВОЙ

Сегодня вечером я вам отдаю деньги». Мы поехали, он взял рент с какого-то своего очередного билдинга, с китайцев каких-то, отсчитал мне «кэш» и сказал: «Хорошо? Все». Этой покупкой он мне дал невероятный подъем. Меня это окрылило. Я по-другому как-то стала переоценивать пространство, себя, свою деятельность, и это достаточно изменило мою судьбу, то есть направленность он мне дал. После этого с Сашей Герзоном практически не было никаких контактов до того момента, как совершенно случайно я его встретила в начале этого лета. Год назад он мне го-

внешние данные, и что я приехала из Парижа. Как-то он мне прочитал какую-то тираду по телефону - мы с ним были заочно знакомы - и сказал: «Ну, вы вообще же из дворян - Сапожникова». Короче говоря, он обложил меня как только мог, и на этом получасовой телефонный разговор закончился. После этого я видела Дюльфана один раз на выставке, он шевелил усами, стал меня «клеить», потом узнал, что я Сапожникова, и пригласил к себе в мастерскую. К нему я приехала со своим бой-френдом. После этого Дюльфан меня возобновил еще больше. Правда, распил с нами привезенную водку, но затем общаться со мной категорически расхотел - я перестала для него представлять интерес. Идея выставки мне понравилась, но получилось так, что с каждым днем прибавлялось по одному художнику, то есть была уже не выставка Дюльфана и моя, а к концу оказалось 11 художников. Когда все завершалось, было какое-то напряженное состояние с Сашей Герзоном, потому что он же, фактически, не делал выставки до этого, а продавал картины как дилер. В течение 20 лет, на-

до отдать ему должное, он страстно собирает искусство, покупает только то, что ему нравится, и говорит о художниках - в этом его уникальность. Он очень страстный человек, поэтому я его очень уважаю. В итоге было продано пять работ, среди них одна моя, а перед выставкой Аня Левина купила еще одну мою работу. Я совершенно не ожидала этого результата.

-А что это за история с невозвращенными картинами?

-Один знакомый фотограф, несколько странный человек, но очень добрый, сказал мне - это было как раз накануне моей выставки в Манхэттене, в «Синхронисти Спейс»: «Куда ты лезешь в этот подвал? Не будет никакого толку. Давай я тебя познакомлю с одним галерейщиком, он у меня продавал картины, правда, не очень дорого, но все равно у тебя будет результат. Он профессиональный человек, работал в MOMO музее». Он меня привел к этому галерейщику, после краха в «Синхронисти Спейс», когда я заплатила за зал и «клошаров», которые приходили на вернисаж, я потом встретила. Я никак не могла понять - откуда набралось столько нищих на мой вернисаж, которые выпили и сожрали все, что только можно. Я не могла понять, почему я встречаю одни и те же физиономии на разных вернисажах. А просто они открывают «Галле-

роче говоря, это было очень хорошо, потому что у Саши потом было ощущение вины, и он сказал: «Алла, мы делаем выставку. Будете вы и еще будет, например, Дюльфан». Меня эта идея взволновала, тронула и страшно понравилась, потому что Дюльфан меня терпеть не может с тех пор, как ему расписали мои

ри Гайдс», смотрят, когда у кого выставка, проходят туда и все съедают и выпивают. На одном из очередных вернисажей мы встретились, они таки узнали меня и сказали: «Как хорошо вы нас напоили и накормили!». Так что результат все-таки был. Главное, что я у знакомых антикварщиков одолжила серебряные подносы и дико дрожала при этой публике, что они сорут эти подносы, потому что, не дай Бог, мне придется на следующий день за них выплачивать. При этом я была в декольте и в синем парике с веером из страусовых перьев, известный фотограф написал статью «Искусство затягивания корсета», я сделала кучу фотографий красивых, и этим все закончилось. У меня был нервный шок после этого. Я переработала, страшно было холодно, и картины были расписаны по разным местам. Когда же я увидела галереищика, с которым меня познакомил мой знакомый, он меня потряс. Я подумала: какой добрый, изумительный человек. Это был огромный, толстый, лысый, со складками на шее, с очень добрыми детскими глазами человек. Он пригласил нас к себе домой – крошечную квартиру в районе 9-й авеню и 47-й, набитую картинами, безделушками, красивыми изделиями. Он сделал дивный совершенно натюрморт из угощения – я совершенно разомлела. В конце этого свидания он подарил мне серебряное кольцо с полудрагоценным камнем, которое мне очень понравилось. Когда мы пришли второй раз, он подарил мне красивую брошку в виде короны. Это был человек, который меня совершенно к себе расположил. Я думала: «Ничего себе галереищик, дарит такие подарки!» Я, правда, не осталась в долгу – сделала ему несколько рисунков, подарила. Его галерея называется «Марлен галлери» – в честь Марлен Дитрих. Первая групповая выставка должна была быть в середине марта. Он выставил две моих работы, и я еще у него держала в запаснике 14 штук, потому что мне некуда их было деть. Потом несколько раз, надо сказать честно, он мне звонил: «Алла, забери их. У меня нет места, где их держать». Я не могла их забрать. Я обзвонила всех знакомых. У меня уже были проблемы на Кони Айленд, когда я их влхнула в подвал к мебельщикам, потом мебельщиков затопило, и я не знала, где работы, где мебельщики и где я. Месяц я их разыскивала. Наконец, через десятые руки каких-то бандитов из какого-то ресторана они были почему-то странным образом возвращены, когда я их уже не ждала. Теперь был повтор. Когда я приехала забирать работы, я помнила, что их было 16. Он мне сказал, что продал 4 моих работы. Но при этом не говорил, за сколько, и назвал только две. В общем, когда я их забирала, двух работ не досчиталась, а про две он сказал, что они в «стороже», что за них еще должны отдать деньги, и прошло уже пять месяцев после этого разговора. Я звонила, приезжала туда со знакомыми антикварщиками, он побагровел, испугался, у него задрожали руки, стал звонить в «сторож», выяснять, сколько там работ, недовыяснил, сказал: «Я вам перезвоню, мы назначим appointment. Почему приходите без звонка?» Закончилось тем, что он нас выпер в жуткой панике, потому что сидели свидетели, какой-то очередной художник, очередная «жертва». По крайней мере, он не отрицал, что работы у него есть, при свидетелях, но что это даст, я не знаю. Одна картина называлась «Профет» – по-французски «пророк». Полтора на полтора метра, в старинной раме. Привезла из Парижа. Потом моя самая любимая, самая сильная работа «История маленького музыканта». Дальше из серии «Марлен Дитрих» в раме на хол-

сте – ему очень понравилась, и одна работа называется «Париж», которая была тоже в шикарной раме, на бархате.

- Он американец?

-Он преподает в «Туро-колледже» на Кингсхайвэй. Он американец, причем, он стал «клеить» моего друга, мальчика, с которым мы к нему приезжали на квартиру. То есть, он так на него посмотрел, а когда тот пришел к нему по какому-то очередным моим делам, он стал предлагать ему: «Не хочешь ли ты у меня жить» и еще какие-то подобные варианты. Если раньше у меня была проблема, что «клеили» меня, то теперь...

-Нью-Йорк – это Вам не Париж!

ПАРИЖСКИЕ СТРАСТИ

«Французские бесы – большие болбесы».

Владимир Высоцкий

- Алла, а каким ветром Вас в Париж занесло?

-После того, как я отучилась, я преподавала в музыкальной школе детям, как нужно рисовать, и в Московском Горкоме художников графику. Я была профессиональным педагогом к этому времени. Меня очень любили мои ученики, они «прогрессировали» – я выкладывалась на полную катушку, но поняла, что, как художник, я не смогу состояться в Москве. Там колоссальная конкуренция, очень хорошая школа, очень много талантливых людей и очень маленькие спрос и заработок. Я

почувствовала, что лбом пытаюсь пробить потолок и только набиваю себе шишки.

-А в Париже просто родственники были?

-Не просто. Меня всю жизнь мама и бабушка настраивали на то, что покинуть Родину, предать Родину нельзя никогда в жизни. У обеих была ситуация раз в жизни, что они могли уехать, но они остались патриотками и никуда не уехали. Я поняла, что мой единственный шанс – троюродный парижский дядька, который не говорил ни слова по-русски, был уже в полном маразме, по-моему, от старости, и вдруг занялся живописью. Он уже давно приглашал маму, но она никак не могла раскататься. И я, по секрету от родных, написала письмо, что хочу приехать. Он мне прислал приглашение, и я оформила все документы.

-Вы уже тогда свои вот эти авангардные работы делали?

-Я провезла в Париж маленькое бриллиантовое кольцо от деда (единст-

венное, что осталось от его миллионов, он был когда-то очень богатым человеком, и в Париже у него был антикварный магазин, ювелирный), и два холста абстрактных, которые я очень долго «рождала» и почему-то решила, что я их там очень хорошо продам. В итоге, я потратила около 400 франков на рамы для них, но они не были проданы, а ушли в неизвестном направлении, а кольцо я закладывала в ломбард, потом выкупила.

-В той манере, в которой Вы сейчас работаете, Вы стали писать в Париже?

-Да. Когда я приехала в Париж, я, фактически, как художник, делала хорошо и профессионально только наброски, как по-русски это называется, по-английски это «скетч», по-французски – «кроки». Это были маленькие рисунки, которых я делала колоссальное количество в Москве и которые считались лучшей графикой у нас в училище, у меня их даже воровали. У меня была «набита рука», я их целую пачку вывезла. И когда я приехала, мой дядька познакомил меня со своей дочерью, моей троюродной кузиной, которая к тому времени была очень богатой женщиной, принадлежала к самому высшему кругу, и она просто чисто развлекательным образом захотела сделать очередной вечер у себя дома, собрать людей и задно устроить мою выставку. Она сказала: «Ты пока два месяца порисуй». В общем, с самого первого дня приезда в Париж у меня была зверская нагрузка, не было никаких развлечений, хождений по Парижу, сидений в кафе бестолковых, как некоторые представляют себе эту жизнь. То есть я начала работать как сумасшедшая, потому что знала, что мне никто ничего на тарелке не принесет. Я жила в мастерской у своего дядьки, который на старости лет решил заняться живописью и отгрохал себе огромный двухэтажный особняк в десяти минутах ходьбы от своего дома и своей скандальной жены. И там он писал обнаженных натурщиц, а мое присутствие его, естественно, раздражало – я совершенно не хотела писать натурщиц. Единственное слово, которое он мне регулярно повторял, было «дурак» - и стучал себя по лысому лбу «Был интересным мой приезд – я набрала, кроме рисунков, двух холстов и алмаза, гору подарков и сувениров. Деревянные Горбачевы и воины. У меня было такое колоссальное количество сумок с подарками, что я еле вышла из поезда. Когда я дотаскала до телефона-автомата, чтобы позвонить дядьке – он должен был меня встречать – никто не подошел к телефону. Я звонила, звонила, а потом совершенно случайно вспомнила, что у меня есть телефон, который дал мне Саша Стефанович, его друга-художника, которого я никогда не видела. Я дозвонилась к этому художнику, Вильяму Брюю, и он сказал: «Слушайте! Ровно через 5 с половиной минут я выхожу из дома. Если вы успеете за это время доехать на такси до площади Бобур, там моя мастерская, вот адрес. Не вздумайте хоть на секунду опоздать – вы меня не застанете». Я понеслась со свертками в зубах, таща их всеми способами, когтями, ноздрями, ушами – и первое, что я увидела в Париже, была колоссальная очередь на такси. Она тянулась на полкилометра, и я чуть было не рехнулась. Но очередь рассосалась уникальным образом за три минуты, такси было миллион. Я умудрилась влететь, пропили площадь с чемоданами в зубах, в последний момент, когда они уже выходили из дома. Слава Богу, он был русский, жена у него была манекенщица, очень красивая рыжеволосая девушка, которая тоже пыталась говорить по-русски. Они мне сказали: «Мы уходим.

Ты тоже можешь пойти погулять по улице, например, к Сене. Смотри не заблудись. Учти, к тебе будут приставать мужчины, но если ты скажешь кому-нибудь, что ты русская, тебя начнут так зверски «клеить», что ты уже не отвяжешься никогда. Ничего не смей никому говорить». Я вышла на улицу, была дикая жара, на мне были красивые зимние кожаные сапоги. Короче, моментально ко мне «приклеился» неизвестно кто – то ли итальянец, то ли араб, и полчаса, пока я шла до Сены, он меня спрашивал, кто я. У него была одна и та же фраза на протяжении всего пути. Я сохраняла молчание. Терпела, терпела, не выдержала и сказала: «Я русская». Он сразу отстал.

-А что с этой выставкой у кузины?

-Значит, она назвала всяких миллиардеров. Сбоку стояла круглая стеклянная ваза, напоминающая аквариум. Туда все клали деньги, чеки – в плату за рисунки, которые они брали. Никакого контроля не было абсолютно. Все брали, сколько хотели, какие хотели, у меня даже копий не осталось, вся московская серия ушла. Успела я заснять те графические пейзажи, которые сделала за этот месяц – центра города Марэ, еврейского квартала. Они тоже были раскуплены. За один вечер тогда я заработала девять тысяч франков, исключительно, конечно, благодаря тому, что были люди, которым выложить 500 франков за рисунок – все равно что плюнуть или отдать нищему или сходить один раз в ресторан. И меня она представляла: «А вот моя русская кузина». Я была в длинном черном платке с красными розами цыганскими, я очень нервничала и практически ни с кем не могла разговаривать, потому что не понимала по-французски и плюс – я бесперерывно работала, в день выставки у меня уже отнимались руки. Мне нужно было всем улыбаться, но то, что я тогда заработала – это было огромное счастье, и это дало мне возможность остаться там. Мне мои родственники сказали: «Ты никогда не прорвешься, будучи художницей. Эта выставка – единственный раз в жизни. Не рассчитывай на такой легкий успех. Ты будешь работать или хомэстеном, или уборщицей, или бексистером – другого пути у тебя нет». Я сказала: «Нет, я прорвусь как художница». Они сказали: «Ну, тогда не жди от нас никакой материальной поддержки».

(Окончание см. на стр)

МОСКВА, КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА

«И все мы, похожие чем-то и разные – это Москва».

Из песни Д. Тухманова

-Где Вы учились рисовать?

Я училась очень долго. Сначала была студия при Доме Культуры, потом детская художественная школа с курсом 6

человек на место, потом были занятия с Маргаритой Муксеевой, гениальнейшим театральным и кинорежиссером – она мне дала веру в себя и технику, потом был конкурс 55 человек на место в Училище 1905 года в Москве, потом была учеба, я там считалась лучшим живописцем и лучшим графиком, потом через пять лет был Диплом. У нас была такая тема по дизайну – все у нас взяли «12 квадратных метров. Выставка в интерьере». Я взяла площадь перед Большим театром, 2500 квадратных метров. Оформление этой площади ко Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который должен был состояться в Москве в 85-м. Так как все размеры московских площадей были в тайне глубокой, я прорыла все библиотеки, что могла. Нашла в театральной библиотеке маленький план, и, кроме него, мы с мужем еще ходили, шагами измеряли расстояние до фонтана, до театра, а на нас с опаской смотрел милиционер, потому что он не мог понять, чего мы меряем шагами. Диплом был признан лучшим, его забрал директор училища к себе в кабинет, держал там несколько лет на предмет образца. Учитывая то, что живопись и рисунок шли у меня отлично, а «декоративную композицию», которая была основным предметом, я еле тянула, заваливая ее на двойки, в итоге я все равно получила самый лучший диплом.

-А Вы коренная москвичка?

-Родилась в самом центре, на Патриарших прудах, там, где Булгаков Берлиозу отрезал голову. Меня там выгуливали зимой на санках, а летом я там собирала шампиньоны.

Вот в этом месте я хочу остановиться, поскольку многое становится понятным в Алле, и для этого совсем не обязательно каждому знать невероятную историю покорения ею Парижа, никак которой стало подписанное Жаком Шираком письмо о предоставлении Алле Сапожниковой огромной квартиры в центре Парижа в связи с ее заслугами в сфере искусства, не обязательно знать о ее 35-ти триумфальных европейских выставках, о том, что она официально была признана лучшим из ныне живущих парижских еврейских художников, не обязательно знать и причины ее поспешного бегства из Парижа в Нью-Йорк, не обязательно знать о том, что она была единственным, вероятно, человеком в истории Франции, который работал в правительстве этой страны, не имея ее подданства, не обязательно знать, что значит, когда ты бездомный и безработный, «клошар» - в стране, где у тебя нет даже вида на жительство, не говоря уже об отсутствии языка. Не обязательно знать, как талантливая, упрямая молодая женщина с чудовищно тяжелым характером, благодаря ему, этому характеру, сумела из полной нищеты вырваться в элиту, и, благодаря ему же, снова попасть в ситуацию, когда надо распрощаться со всем, чего достигла, и попытаться начать все заново в Америке. И, самое-то примечательное - за довольно короткий срок ее пребывания в Нью-Йорке имя Сапожниковой на слуху у многих, и не только в русской «коммунити». Ну, не удивительно ли?

— Беседовал Леонид Зоншайн